

Н. Н. ФИРСОВ

Петр Великий как хозяин

Характеристика *

Если бы предки наши незадолго до реформы Петра В<еликого> пожелали определить экономическое положение России в немногих словах, то они могли бы, несколько видоизменив речь древних новгородцев, сказать: «Земля наша велика и обильна, но *хозяйственного* наряда в ней нет». В самом деле, природные богатства нашего Отечества были весьма значительны, но разработка и обработка их в более или менее широких размерах еще не начиналась, а некоторые из этих богатств и совсем не эксплуатировались, лежали «втуне», больше предполагались, чем были вполне известны. Иначе говоря, до Петра I в России еще не было *своей* заводско-фабричной промышленности, а русские торгово-промышленные люди вследствие вековых тяжелых условий их существования и труда не приобрели и *охоты* к организации крупного промышленного производства. Кн. Щерба-тов, историк и публицист екатеринина века, сочувственно вспоминая старый московский быт, однако принужден признать, что до Петра на Руси «не было ни фабрик, ни ремесл, а что и было, то находилось в крайнем несовершенстве». Первыми фабрикантами и заводчиками явились у нас на Руси иностранцы, и к их предприимчивости отнеслось поощрительно не только правительство, давно нуждавшееся в некоторых произведениях заводско-фабричной промышленности, но и крупное русское купечество, как огня, боявшееся промышленной инициативы и риска.

* Публичная лекция, читанная в Казанском университете 2 декабря 1901 г. в пользу Семейно-педагогического кружка.

Русские крупные купцы не были производителями, они были торговцы; торговлей они занимались с любовью во все времена своей истории, но и в эту сферу они не внесли правильной организации. Соединения капиталов для борьбы с иностранной конкуренцией они вообще избегали, а между тем капиталы наших оптовых торговцев — каждого в отдельности — были ничтожны в сравнении с оперировавшими на русском рынке иностранными капиталами. Действуя вразброд и конкурируя друг с другом, русские оптовые торговцы, разумеется, были очень далеки от того, чтобы приобрести хотя бы относительную самостоятельность во внешней торговле России. Несмотря на правительственные льготы для «гостей» и других оптовых торговцев, повлекшие за собой при царе Алексее лишь вящее угнетение высшим купечеством низшей торгово-промышленной братии, — вопрос о непосредственных торговых сношениях русских купцов с заграничными рынками ни на шаг не подвигался к положительному разрешению. Это как нельзя лучше доказывает весьма значительную экономическую отсталость московского государства сравнительно с Западной Европой. Внутренняя, довольно оживленная в нем торговля и некоторые успехи денежного хозяйства не устраняют этого основного факта, с которым пришлось считаться Петру Великому. Сколько русских товаров ни шло по рекам равнины в Архангельск, сколько бы «возов» ни привозилось туда по «снежному покрову» для заграничного отпуска, все равно внешний оборот русской торговли находился в руках иностранцев, преимущественно англичан. Это — факт, не подлежащий ни малейшему сомнению, а возможен он был, разумеется, при условии экономического и вытекающего отсюда — культурного слабосилия Московского царства: оно было обширной ареной усерднейшей эксплуатации со стороны иностранных коммерческих компаний, прекрасно питавшихся русским сырьем.

Петр Первый все это хорошо понимал и в течение всего своего царствования стремился создать для России такие условия, при которых она могла бы двинуться возможно скорее и дальше вперед по пути экономического развития.

Прежде всего надо было проторить и расширить этот путь. У нас не было удобных портов для сбыта своих товаров и для получения иноземных, и это обстоятельство являлось, несомненно, существенным препятствием к развитию торговли и промышленности нашей страны. И вот невольно снова поднимается «балтийский вопрос», давно поставленный жизнью и московской политикой и снимавшийся с очереди только вследствие не

зависящих от русского правительства обстоятельств; начинается продолжительная борьба за море, потребовавшая массы жертв и необычайного подъема духа как от самого Петра, так и от всего русского народа. Само собой понятно, что хозяйственная деятельность Петра во время этой колоссальной борьбы не могла отличаться строгой систематичностью, планомерностью; эта деятельность нередко подсказывалась и направлялась потребностями войны, что было, кстати сказать, подмечено еще в позапрошлом столетии французским историком русской торговли Шерером *, но при всем том эта деятельность со всеми ее противоречиями и экстраординарными мерами, вызывавшимися нуждой, запечатлена стремлением Петра раздвинуть сферу народного труда, усилить его продуктивность, развить товарный обмен, — посредством введения европейских форм торговли и производства.

Петр чрезвычайно внимательно относился ко всему тому, что касалось экономии страны. Об этом свидетельствуют его отметки на подававшихся ему проектах экономического характера, по всей вероятности, заказанных им или шедших навстречу его личным желаниям и мнениям. Следы личной заботливости Петра В<еликого> о хозяйственной стороне жизни, как и вообще о внутреннем распорядке, мы найдем всюду — не только в указах и регламентах преобразователя, но и в его письмах и в памятных книжках. Так, в одной из памятных книжек Петр наметил «такую коллегия», которая пеклась бы о всем том, что входит в понятие хозяйства и благоустройства государственного **. Даже в вихре политических и военных событий, долго мешавших Петру как следует приняться за внутренний распорядок, преобразователь не забывал об экономии России. Фоккеродт, секретарь прусского посольства, во многом несправедливый к Петру, однако, должен был признать, что даже во время Северной войны этот монарх «не опускал из виду» промышленность в России. Вообще, можно сказать, что иностранцы, даже те, которые смотрели на Петра далеко не восторженным взором, отдавали полную справедливость необычайно широкому кругозору этого человека, его поразительному умению ведать в одно и то же время самые разнообразные дела и входить нередко в мельчайшие подробности хозяйственного быта и управления. Укажем, напр<имер>, на датского посланника при русском дворе — Юста Юля, оставившего после себя прелюбопытные мемуары. Юст Юль

* Histoire raisonnée du commerce de la Russie. 1788. Т. II. Р. 41—42.

** Соловьев. Истор<ия> России. Т. 16. С. 393, примеч.

много вытерпел неприятностей во время своей посланнической миссии, главным образом, от усвоенного Петром довольно отяготительного обычая — постоянно и безмерно угощать окружающих, не исключая и посланников, спиртными напитками; уклониться от угощения с излишком гостеприимного хозяина было большей частью невозможно, а иной раз и небезопасно; между тем усердные жертвоприношения Бахусу вели к серьезному расстройству здоровья датского посланника, вследствие чего бедняга Юст Юль очень сердит на Петра и рисует обстановку его праздничного быта грязными, нередко прямо-таки отталкивающими, красками; но и этот раздраженный свидетель не мог освободиться от обаяния гениальной личности Петра: «Царь, — пишет потерпевший, — лично одарен совершенным и высоким умом и такими широкими познаниями, что один может управлять всем». В другом месте Юст Юль заявляет, что «с самого вступления своего на престол» «царь в важных делах почти что не имеет помощников», вследствие чего «поневоле заведует всем сам». Такой человек, конечно, имевший сотрудников и помощников — исполнителей и умевший их находить во всех слоях населения и среди иностранцев, не мог быть плохим, невнимательным хозяином.

Хорошим хозяином часто называют человека, не делающего долгов: Петр был таким хозяином; но от других хозяев, не сделавших долга и, кроме того, вообще ничего не сделавших, Петр отличается тем, что им кое-что сделано: государство русское введено им в ряд великих держав в Европе, и этому государству сообщены идеи и формы европейской цивилизации, которой, по-видимому, суждено стать мировой. То обстоятельство, что Петр, при всех издержках «на содержание армии, флота и на постройки», не сделал «никакого долга», произвело надлежащее впечатление тогда же на постороннего наблюдателя, секретаря ганноверского посольства при русском дворе Вебера, указавшего на это обстоятельство и заметившего, что Петр «всякий раз отыскивал новые средства, чтобы поддержать свои предприятия» *.

Действительно, отыскивание «средств» велось весьма энергично. Так, значительно была усилена эксплуатация оброчных статей и разного рода регалий. Казенные промыслы и угодья были переданы «партикулярным людям» «из наддачи», т. е. как бы с аукциона: кто даст больше сверх положенной на них «окладной» суммы; монета была перечеканена в монету вдвое

* Das Veränderte Russland. § 168.

худшего качества и пущена по прежней цене — финансовый прием, с давних пор практиковавшийся повсюду в Европе. Самое количество регалий было увеличено. К монетной регалии были прибавлены почтовая и гербовая; к винной монополии — соляная и табачная. «Деньги как можно собирать», — внушал Петр Сенату, ибо «деньги суть артериею войны», и деньги собирались весьма рачительно, а «прибыльщики» придумывали все новые и новые источники дохода. Количество налогов и всяких повинностей сильно возросло, причем в круг объектов обложения вводились все новые и новые финансовые единицы... вплоть до «ревизкой души», заменившей прежний «двор». Кроме обыкновенных податей, брали положительно со всего — с мельниц, прудов, рыболовства, ульев, лугов, садов, бань, с русского платья, с бороды... Иногда деньги прямо отбирались у монастырей и притом в солидных суммах — целыми капиталами... Столь высокие финансовые требования с населения объясняются постоянной «нуждой» Петра Великого в деньгах на неотложные расходы, вызванные войной и реформой.

Та же самая финансовая «нужда» заставила Петра Великого обратиться и к внешней торговле как к средству иметь от нее барыши в прямом смысле этого слова. Русское правительство и раньше занималось торговлей некоторыми товарами на свое имя, но Петр В<еликий> принужден был усилить эту торговлю с иностранцами, что английскому посланнику Витворту¹ уже в 1706 году дало повод назвать русский двор «купеческим», а между тем после того в сферу казенного оборота было включено еще более значительное количество товаров, чем в предшествующее время. В 1714 г. казенными товарами, кроме прежних (клея, ревеня, смолы и икры) были объявлены еще следующие: воловья шерсть, пенька, поташ, смольчуг, сало, воск, масло конопляное, семя льняное и щетина. Такое коммерческое направление правительства было, конечно, крайне вредно для заграничной торговли русских купцов: оно способно было задавить и ту малую предприимчивость, которую русские купцы обнаруживали в торговых сношениях с иностранцами; но не надо же забывать и того, что это вынужденное расширение торговых операций казны было временным: оно должно было смениться иным отношением Петра к внешней торговле, тем более, что оно находилось в резком противоречии со стремлением Петра *организовать* внешнюю торговлю России по европейским образцам, к которым он уже давно присматривался. Еще в 1699 году Петр «повелел» своим купцам торговать так, как торгуют в иных государствах, — компаниями. Но из этого ничего не вышло. И не

только ничего не вышло, что наши купцы были косны и непривычны для такой организации торгового дела, но и потому, что развитие частного торгового оборота на компанейских началах было несовместимо с дальнейшим развитием казенного торгова. В то же время Петр все более и более проникался меркантильными взглядами, требовавшими широкого развития внешней торговли при помощи именно частных, хотя и привилегированных компаний.

Идеальная цель, которую Петр преследовал своей торговой политикой с ее вообще практичными тарифными нормами, была вполне ясна не только самому преобразователю, но и другим тогда же, в его время: «Главным намерением Петра Великого в торговом деле, — говорит один из иностранных наблюдателей, — постоянно было то, чтобы сделать из своих подданных настоящих купцов и довести до того их, чтобы они отвозили товары и сбывали их в чужих краях не через посредство других мореплавательных народов, а на собственный счет и на своих кораблях». Руководясь именно этим «намерением», Петр в 1719 году все казенные товары, кроме поташа и смольчуга, отдает «в народ», в вольную торговлю, а затем энергично поощряет и понуждает своих купцов к непосредственной торговле с иностранными государствами, давая им разные льготы, денежные субсидии, предоставляя даже мореходные суда вместе с матросами. Дело партикулярной компанейской торговли с иностранными государствами, однако, туго налаживалось; это видно, напр<имер>, из того, что незадолго до смерти преобразователя, в 1724 году привилегированная компания из торговых людей, образованная по повелению Петра для торговли с Испанией, была аттестована им, как «новость», о которой Коммерц-коллегия должна заботиться, подобно матери о дитяти, «пока в совершенство придет». На такую материнскую опеку в торговом деле Петру пришлось возложить всю надежду: «Понеже, — пояснил преобразователь, — всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут». Пусть идеальная цель, поставленная преобразователем внешней торговле России, не была достигнута ни самим Петром В<еликим>, ни его преемниками, но большая заслуга и в том, чтобы поставить вопрос и наметить возможную тогда организацию дела для успеха его в будущем...

Заботы Петра Великого о внутренней торговле неразрывно связывались с его заботами о торговле внешней. Преобразователь намеревался при помощи искусственной системы водных сообщений раздвинуть район внутреннего товарного движения на всю европейскую Россию из края в край, от южных морей до

северных. По своему обыкновению Петр не откладывал начала этого дела в долгий ящик. Заканчивая Северную войну, он уже смотрел в другую сторону, за Каспий, в Персию, в Индию. В 1720 году им были посланы «в разные места» географы и геометры, дабы сделать топографические снимки и занести необходимые речные бассейны на особые географические карты. Правда, из всего гигантского плана канализации при Петре В<еликом> была осуществлена только так называемая Вышневолоцкая система, направившая товарное движение к новой столице, но и этого было достаточно, чтобы преемникам показать пример к дальнейшим работам в том же направлении, а купечеству русскому — путь к расширению русской торговли и к обладанию европейско-азиатским транзитом через Россию. В основе петровского плана канализации опять-таки лежала для того времени идеальная, лишь в будущем нелегко достижимая цель — прочно поставить Россию в мировой торговле в качестве посредницы между европейским Западом и азиатским, Ближним и Дальним Востоком. Дабы подготовить достижение этой цели, русские люди, двигаемые волей преобразователя, и «трудились в поте лица», и гибли массами на холодных финских болотах, на знойных равнинах Персии и Средней Азии; дабы русские люди не забыли, что экономическая миссия России не только придвинуться к Западу, но и идти на Восток, Петр, уже смертельно больной, едва перемогаясь, собственноручно набросал проект камчатской экспедиции, которая должна была решить вопрос о проливе между Азией и Америкой; составляя этот проект, Петр руководился давнишней своей думой о северной дороге в Китай и Индию...

Стремясь в течение всего своего царствования поднять на ноги русскую торговлю, преобразователь отнюдь не заблуждался относительно истинной причины неудач своих «понуждений» и поощрений в этой сфере: он отлично понимал, что коммерческая зависимость русского купца от иностранного есть естественный результат промышленной неразвитости России. Именно сюда, в сферу производства, Петр В<еликий> и направил свои главные хозяйственные усилия. Чтобы «уменьшить, — читаем мы у цитированого уже Фоккеродта, — количество иностранных товаров, привозимых в Россию, и зато увеличить вывоз своих туземных», Петр «выбрал самый простой путь: развитие горного дела и заведение фабрик в царстве, какие обыкновенно заводятся в чужих краях». Но этот «простой путь» был очень труден. Трудность заключалась особенно в том, что купечество наше было не готово к крупному промышленному делу и что для этого

дела не было свободных рабочих рук. Другого средства не было, как приступить к учреждению фабрик и заводов на казенном капитале и на крепостном труде приписанных к ним крестьян. Петр так и поступил, подталкиваемый и «нуждами» войны за море, предъявившей настоячивые требования к дремавшим производительным силам России...

Минеральные богатства нашего Отечества были неисчислимы; они сулили огромные выгоды, но эти богатства надо было еще добыть: они лежали в земле и сами не давались в руки... Петр не остановился перед сложной техникой горного дела, которой у нас никто не знал, и решил во что бы то ни стало овладеть подземными кладами своей страны. Техника горного дела была заимствована с Запада, а при устройении этой отрасли промышленности у Петра нашлись достойные помощники, особенно в лице Татищева и Геннинга². Вдохновляемые ближайшим вниманием к их деятельности со стороны преобразователя, эти лица прочно поставили в России крупное горное производство, настолько прочно, что оно, вызванное к жизни государственной властью, затем постепенно стало притягивать к себе капиталы и частных предпринимателей. Это последнее было истинным желанием Петра. Считая «рудокопные заводы» собственностью монарха, следовательно, признавая принцип регальности в горном деле и потому заключая эксплуатацию «подземных сокровищ» частными лицами в известные ограничительные нормы, преобразователь, тем не менее, хотел возбудить частную предприимчивость в столь важном производстве, начатом казной, и как скоро замечал человека, способного дальше развивать это дело, сейчас же тот или другой казенный завод передавал в «партикулярные», но золотые руки... Таким образом, казенный завод являлся и поучительным примером, и наградой за промышленную энергию и умелость. Тем более поощрялось заведение частными лицами новых горных заводов. Зная скудость капиталов в русском купечестве, Петр пропагандировал компанейские предприятия; зная также, что без разных льгот и готовых рабочих частные лица никогда не решатся вкладывать свои капиталы в рискованные горные промыслы, Петр обещал и давал эти льготы, приписывал к зачинаемым горным заводам государственных крестьян, устраивал новый вид крепостного, так называемого посессионного, состояния. Последнее было очень тяжелой для свободного крестьянского населения платой за учреждаемое государством горное производство; но другого, к сожалению, выхода не было, и преобразователь, лично не сочувствовавший крепостному состоянию народа, мог лишь утешаться тем резуль-

татом своей промышленной политики, о котором сообщают его указы последних лет: «Многие купецкие люди возымели желание компаниями заводить вновь разные заводы, серебряные, медные, железные, из которых многие уже в действо произошли».

Подобным же путем возникли и другие отрасли промышленности, или совсем отсутствовавшие в России, или находившиеся в крайнем несовершенстве. Учреждая фабрику, нужную правительству для удовлетворения потребностей армии и флота, — на казенном коште, Петр затем при первом удобном случае передавал эту фабрику в частное содержание компании или торговому дому. Так, напр<имер>, в 1720 году было велено составить компанию из довольно значительного количества купцов и отдать ей в содержание на чрезвычайно льготных условиях, с обеспеченным сбытом товара в «мундирную канцелярию», московскую казенную суконную фабрику, а в 1724 году подобная же казанская казенная фабрика была передана местному купцу Микляеву, прекрасно ведшему свое собственное дело. При всем том промышленное производство и на частных фабриках, согласно господствовавшей тогда в Европе меркантильной системе, было поставлено под бдительную опеку и надзор правительственной власти, более или менее внимательно регламентировалось: фабриканты были обязаны образцы приготавливаемых ими изделий ежегодно представлять в Мануфактур-коллегию для контроля; за плохое производство фабрика могла быть у нерадивого отобрана в казну. Заботы Петра Великого об улучшении приготавливаемых на фабриках и заводах товаров были оценены и современниками, и ближайшим потомством. Так, напр<имер>, Голиков, сообщив о запрещении Петра В<еликого> делать кожи с дегтем и о приказании этого государя делать их с ворванным салом, поясняет: «*Великий хозяин сей* желал привести делание сего важного в торговле российской товара в лучшее состояние». Вообще, стремясь как можно скорее видеть в России такие же, как в европейских государствах, заводы, мануфактуры и фабрики, преобразователь не жалел ни привилегий, ни поблажек, ни даже издержек. В своей деятельности по созданию и организации русской заводско-фабричной промышленности Петр В<еликий> нажал немало пружин, употребил немало принудительных и поощрительных средств, все для того, чтобы «плод дал Бог изрядный». И худо ли, хорошо ли, «плод» получился: около 100 заводов и фабрик было открыто в России при Петре Великом.

Так была «учреждена» заводско-фабричная промышленность на Руси в возможных для той эпохи формах — казенного и при-

вилегированного частного, преимущественно компанейского, производства, хотя субсидированного, с крепостным трудом, но все же начавшего, удовлетворяя в заметной степени потребностям государства, приумножать и общее народное богатство.

Русская коммерция и заводско-фабричная промышленность стоили Петру В<еликому> весьма многих забот и трудов, «*что по его регламентам и указам само собою вопиет*», как впоследствии выразился И. И. Неплюев, ученик преобразователя и знаменитый колонизатор Оренбургского края*. Не перечисляя этих регламентов и указов, так как сказанного выше вполне достаточно для общей характеристики торговой и промышленной политики Петра, я укажу еще на некоторые промышленные меры, наиболее отчетливо обрисовывающие *личное внимание* первого императора к экономической жизни управляемой им страны. Интересуясь, главным образом, заводско-фабричной промышленностью, Петр, однако, не упустил из виду исконного базиса русского государства — земледелия. Так, он стремился увеличить площадь пашенных земель, для чего приказывал осушать болота; желая облегчить и ускорить египетский труд по сниманию хлеба, — так называемое жнитво, Петр решил научить русских крестьян тому способу, который он видел в Курляндии, Лифляндии и Пруссии, — «снимать хлеб малыми косами с граблями вместо серпов». Поручику Болотову было поручено взять 9 остзейских мужиков и спешить с ними в Тамбов, дабы наши степные мужики поучились от них указанному новому «способу», и ордер об этом, подписанный «собственной рукой» Петра, хранился сыном исполнителя означенной миссии, как семейная драгоценность. Известно попечение Петра о дубовых корабельных лесах, этом вековом богатстве русской земли, хорошо известны и суровые угрозы верховного хозяина за их истребление, увы, в значительной мере состоявшееся в последующие времена... Что леса?.. Даже самые мелкие подробности хозяйственного быта, казалось, не ускользали от острого хозяйского взгляда Петра: этот монарх указывал, как лучше строить печи, трубы... Подобно образцовому хозяину Констанжогло, Петр В<еликий>, кажется, был готов «всякую дрянь» утилизировать, обратить в пользу русской промышленности. Так, напр<имер>, было повелено собирать валяющиеся по улицам Петербурга и других городов и весей петербургской губернии всякие негодные холстинные лоскутки и присылать их в С.-Петербургскую канцелярию;

* Архив департам<ента> тамож<енных> сборов, дел<овой> комиссии о коммерции. № 905. Связка 50.

эти лоскутки, за которые обещали платить по 8 денег с пуда, должны были поступать на заведенную Петром в Петербурге бумажную фабрику. Под руководством такого хозяина всюду на Руси закипела лихорадочно-торопливая работа. Преобразователь спешил с русским экономическим и культурным прогрессом, требовал спорого и неустанного труда от своих подданных, и Россия той эпохи действительно, как изображает Пушкин, могла представляться наблюдателю «огромной мастерской, где движутся одни машины, где каждый работник, подчиненный заведенному порядку, занят своим делом».

Конечно, только благодаря тому, что была поднята производительность народного труда посредством заведения новых отраслей промышленности и при помощи перенесения в Россию западной заводско-фабричной техники, русский народ смог без особого противодействия вынести на своих плечах финансовую тяжесть трех войн, реформы и создание, при самых неблагоприятных условиях, новой столицы *, а преобразователь, увеличив госуд<арственный> доход с 3 000 000 до 9 мил<лионов> руб., сумел обойтись без государственного долга и укрепился в мысли, что его дело — не мираж, а настоящее дело России, что уже приобретены правильные пути для дальнейшей материальной и духовной работы русского народа. Таким образом, благодаря своей хозяйственной деятельности, вызвавшей к жизни мертвые капиталы России, Петр В<еликий> не только достиг ближайшей цели своей внешней политики, но и положил начало *организации* крупного производства, начало хозяйственному «*наряду*», чего не хватало нашему Отечеству и что обещало в будущем рост русского капитала, коммерческую и культурную самостоятельность русского общества.

В хозяйственной жизни нашей родины имели хорошее воспитательное значение личное трудолюбие и трудоспособность преобразователя, а также и его необыкновенная бережливость. Кому не известен Петр-работник, этот неустанный труженник с мозолями на руках, по завету к праотцу Адаму в поте лица подвизавшийся во всевозможных ремеслах, все для того, чтобы показать пример и хотя под старость увидеть достойных слуг Отечеству? «Отечество» всегда было в помыслах Петра В<еликого>, и умственным взором своим он далеко заглядывал в будущее России. Однажды он занимался посадкой желудей и во время этой работы заметил улыбку какого-то весельчака по своему адресу. «Глупый человек, — обратился Петр к насмешнику, — ты

* Das Veränderte Russland. § 183.

думаешь — не дожить мне до матерых дубов? Да я ведь не для себя тружусь, а *для будущей пользы государства*». Это не пустая фраза: это Петр доказал всей своей деятельностью и жизнью. Постоянно думая только о государственной общей пользе, преобразователь не любил тратить государственных или народных денег на себя, на свои личные потребности. Его царский обиход был более чем скромнен. Вошедшие во все повествования о преобразователе незатейливые и маленькие домики Петра Великого, его экипаж, в котором было бы зазорно выехать в столице иному и купцу, заплатанное и заштопанное платье, нередко стоптанные башмаки, самый простой стол и вообще крайне несложное все домашнее хозяйство Петра — свидетельствуют о его чрезвычайной расчетливости. Расходы на устраиваемые им развлечения, иной раз весьма эксцентричного характера, как, напр<имер>, на наделавшую много шума свадьбу карликов, — Петр имел «обыкновение» раскладывать на своих вельмож: из своего же кармана он избегал тратить на подобные вещи... Своим личным слугам Петр платил небольшое жалование, но очень любил, чтобы они получали подарки от тех, кого он осчастливил своим посещением, причем, уходя из гостей, всегда осведомлялся у своих слуг, хорошо ли их угостили. Сбереечь и нажать копейку Петр всегда был не прочь, но это он делал не для себя, а в интересах общегосударственной экономии, полагая, что беречь, а не сорить народные деньги есть его *прямая обязанность*. Отсюда-то и вытекает его крайнее нерасположение, даже ненависть к роскоши государей, его деликатное отношение к личному пользованию государственными доходами. Однажды Екатерина стала восторгаться, увидев своего супруга не в обычном «простом и бедном платье», а в кафтане с серебряным шитьем, и выразила желание всегда его видеть так одетым. Петр не замедлил охладить восторги своей подруги. «Безрассудное желание, — сказал он, — ты того не представляешь, что все такие и подобные издержки не только что излишни и отяготительны народу моему; но что за такое недостойное употребление денег народных еще и отвечать я буду Богу, ведая при том, что государь должен отличаться от подданных не щегольством и пышностью, а менее еще роскошью, но неусыпным ношением на себе бремени государственного и попечением о их пользе и облегчении». «К тому же, — присовокупил Петр, — таковые убранства только что вяжут меня и отнимают руки». Трудно и едва ли возможно самодержавному государю высказать более возвышенное воззрение на свою обязанность, как оберегателя народных денег. Будучи по полученной им от предков власти

верховным хозяином страны, Петр считал себя доверенным от народа для истинно государственной деятельности, доверенным, который призван не роскошествовать, а работать. В таком духе мог говорить и действовать только хозяин-идеалист, и Петр был именно таким хозяином.

Да, наш Петр, этот скупой, суровый, часто жесткий человек, этот великий практик, небывалый и странный царь, умевший ласково и просто, по-приятельски, вести себя не только с фабрикантами, но и с рабочим людом, проявивший даже, по справедливому замечанию одного исследователя, «беспредельную заботливость об участи рабочих» *, носил в своей душе высокий идеал... Этим идеалом было общее благо Русской земли, которое в уме Петра ассоциировалось преимущественно с благом государства, с «общегосударственной пользой».

Века проходят, идеалы меняются... Но сколько бы ни прошло веков, как бы ни переменялись исторические взгляды на петровскую реформу, какие бы ни явились у новых поколений идеальные задачи жизни и деятельности, — всегда можно будет поучиться у Петра В<еликого> одному: бескорыстно, беззаветно, «не покладая рук», трудиться на общую пользу...

* *Нисселович*. История заводско-фабричного законодательства Российской Империи. Ч. I. С. 45.